

НА ОДНОЙ из утренних оркестровых репетиций старого Петербурга, в день, когда впервые исполнялась симфоническая поэма А. Спендиарова «Три пальмы», встретился великий армянский композитор и выдающийся музыковед, музыкальный писатель и композитор Борис Владимирович Асафьев. Встреча эта не прошла незамеченной ни для одного из них. Спендиаров мгновенно поддал под влияние асафьевской эрудиции, широты взглядов и высокой культуры, а Борис Асафьев, в свою очередь был пленен рассказами Спендиарова о Лермонтове и о причинах, вызвавших увлечение поэтикой лермонтовского пейзажа и философичностью трактовок восточных тем в «Трех пальмах». Потом разговор коснулся Армении, и Асафьев писал впоследствии о чувстве, которое он тогда испытал: «Он (Спендиаров) внушил мне глубокую приязнь к этой, тогда еще неведомой мне стране, к ее серьезному, трудолюбивому народу, чья история — древняя и величавая история жизненной выдержки и долготерпения. Вот с того дня я и стал готовиться к посещению Армении».

Нам остается только благодарить Спендиарова за тот энтузиазм, с каким он рассказывал в то утро о своей родине, ибо Борис Асафьев после посещения Армении написал ряд прекрасных очерков. Сам Борис Асафьев отнес все свои пять очерков об Армении в серию «Из моих странствий».

Человек огромной эрудиции, обладавший тонким художественным чутьем и прекрасным пером писателя-публициста, Борис Владимирович Асафьев вошел в историю музыки как выдающийся музыковед, композитор, общественный деятель, автор прославленных балетов

«Моя дорогая Армения»

«Пламя Парижа» и «Бахчисарайский фонтан», как наиболее значительный представитель русского музыковедения после В. Стасова. Большой след в творческом формировании Асафьева оставили встречи с Горьким, Репиным, Шалагиным, Глазуновым. Он был дважды лауреатом Государственной премии, действительным членом Академии наук СССР, народным артистом СССР, председателем правления Союза композиторов СССР. У него было яркое литературное дарование, и потому все, к чему прикасалась его рука, оживало и искрилось свежими красками.

Так что же обусловило его горячее проникновение в мир Армении, продиктовало его блестящему перу этот стремительный праздник описаний? Прежде всего горячая влюбленность «в гомеровски широковетвистую» культуру Средиземноморья». Большой поклонник античности, многое почерпнувший в музеях Европы, Асафьев и Армению видел под тем же углом, воспринимая ее как одно из разветвлений греко-римского принципа. Но кроме того, его пленяло в Армении и живое дыхание Востока.

Очерки, собранные воедино в серию «Из моих странствий», были озаглавлены: «Моя дорогая Армения», «Арагат и Ереван», «Бап-Гарни», «Дорога в Гехардский монастырь» и «Гехард». Он называл их «застенчивым роем воспоминаний», обращенных «к дорогому клочку земной планеты, прожившему от утренней зари исторических эпох человечества до наших современных дней».

Многое поражает в этих очерках. И необыкновенная меткость языка, и удивительная свобода авторских ассоциаций, и масса того нового, неожиданного, что всегда оживает под пером много повидавшего и много перечувствовавшего человека. Мне кажутся особенно ценными мысли об «архаической обаятельности древнеармянского мелоса» (как композитор он и в путевых картинах обращался к музыке) и многочисленные замечки об армянской истории, такие, например, как эта: «В Армении я начинал уже понимать, что ее история, осязаемая зрением и слухом, — это история художественного воображения страны, а не просто топография распространения нашествий и хотя бы путь римских завоевателей». «Моему музыкальному воображению все виденное диктовало себя как гигантская «симфоническая поэма народных трудов и дней пред очами Арагата». И эта цепкая мысль вела Асафьева во все дни нахождения в Армении. Он все время чувствовал, что находится в стране, «история путевых дорог которой навредила мысли на передний Восток Азии к тому средиземноморскому «лукоморью», которое так своеобразно — легендарно было обжито человечеством».

Следует отметить и блестящий талант Асафьева-пейзажиста. Его описания дороги в Гарни, грозы в долине Арагата, ночного шума воды в ущелье возле монастыря Гехард ярки, своеобразны, эмоциональны.